

Лоис Макмастер Буджолд Плетельщица снов

Вселенная Майлза Форкосигана –

Лоис Макмастер Буджолд Плетельщица снов

Анайю Рюи, сочинительницу фили-снов, выдернуло из блаженного забвения, точно рыбу гарпуном. Она успела отметить краешком сознания, что если бы такое вкралось в ее собственное творение, она бы его немедленно отредактировала. Более или менее проснувшись, она догадалась, что этим гарпуном стало мелодичное позвякивание видеофона. Расправив спутанные простыни, женщина перевернулась на другой бок и злобно впиалась глазами в мигающий красный огонек. Безмозглый аппарат продолжал надрываться, и Анайя, в глубине души уверенная, что ее любопытство, скорее всего, будет наказано, а не вознаграждено, повернула к себе экран и прохрипела:

— Отвечай.

Дьявольская штукавина отказалась повиноваться. Пришлось кашлянуть и повторить команду нормальным тоном.

На экране появилось лицо Хельмута Гонзалеса, самого успешного дистрибьютора фили-снов Рио-де-Жанейро — крупного напористого мужчины.

Общение с ним до первой утренней чашки кофе было истинным испытанием для Анайи.

— В чем дело? — поинтересовалась она, вложив в интонацию всю возможную нелюбезность.

— Сегодня первое число, Анайя, — ответил Гонзалес, хмурясь в ответ.

— Где он?

— У тебя сегодня снова фаза импресарио? — спросила она, начиная атаку с фланга.

— Значит, он еще не закончен... — риторически изрек Гонзалес, расшифровав ее ответ с удручающей точностью. — А подписание контракта для тебя что-либо означает, или это просто развлечение вроде секса?

— У-у, вредина, — вздохнула Анайя. — Как я тоскую по золотым денькам, когда можно было ответить: «Уже отправила! Затерялось на почте!» Мы живем в нецивилизованный век, Хельмут.

Собеседник едва не улыбнулся, но вспомнил о цели разговора и взял себя в руки.

— Но ты его хотя бы начала?

— Да, начала. — Она пожала плечами. — Но потом стерла. Получилась какая-то ерунда.

Лицо собеседника явило зрительный эквивалент выжимания воды из камня.

— Если бы я получил его на текущей неделе, «Триада» принесла бы нам хорошие деньги. Если бы я его получил в прошлом месяце, как и планировал, мы были бы просто богаты. Знаешь, ведь эти задержки дорого обходятся не только мне, но и тебе.

— Ненавижу сериалы. Мне надоедает тема, — уклонилась Анайя.

— Чушь. Как может надоесть романтическая история? — упрямо возразил он. — К тому же ты профессионал — сама об этом разглагольствовала. Вот садись и работай как профессионал. К черту эмоции!

— Но ты же получил «Триаду», — напомнила она.

— А ты получила аванс за ее продолжение, — парировал он, не давая ей увильнуть. — Два месяца задержки — ты нарушила контракт. С сегодняшнего дня я начинаю удерживать все гонорары за «Триаду» в счет погашения аванса и буду делать это до тех пор, пока ты не

выполнишь условия договора.

— Капиталистическая свинья!

— Ты мне когда-нибудь еще спасибо скажешь. Когда разбогатеешь.

Кое-кому, — он фыркнул, — просто-напросто требуется больше дисциплины, чем прочим. — И решив, что ему хотя бы на этот раз удалось оставить последнее слово за собой, Хельмут отключился.

Анайя натянула простыни до подбородка и угрюмо нахмурилась. В глубине души она понимала, что Гонзалес имел право так с ней разговаривать.

Благодаря его педантичности финансовые дела Анайи шли весьма сносно.

Весьма полезно иметь под рукой бездушного и приземленного филистимлянина. Кроме того, компания Хельмута выпускала рыночные копии «ощущалок» высочайшего качества. Тем не менее несколько минут она отводила душу, продолжая мысленную перепалку с Гонзалесом.

Расставшись с надеждой снова заснуть, она выбралась из постели и побрела умыться. Зеркало в ванной, которое она привычно игнорировала, отразило хрупкую молодую женщину со скуластым и слегка грубоватым лицом того типа, который воспитанные люди называют «необычным». Кожа на лице была мягкой, бледной и знающей о солнечных лучах не больше, чем только что проклюнувшийся шампиньон. Прямые черные волосы окаймляли лицо безжалостной рамкой, но ясные и блестящие темные глаза с лихвой компенсировали неприятный эффект.

Она небрежно оделась, заказала на пульте большую кружку кофе и уселась за рабочий стол. Взгляд скользнул за окно, успокаиваясь на геометрических изломах лабиринта зданий, обрезанного вдаль сверкающим на солнце морским простором. Это зрелище напомнило ей, что за вид из окна с нее берут дополнительную плату, поэтому она ненадолго отвлеклась, вызвав на экран фона справку о своем финансовом положении. Как выяснилось, некоторые цифры еще можно подправить, но гнетущий итог это не изменит.

Денег осталось в обрез.

— М-да-а-а... — протянула она на манер заклинания и изгнала призрака безденежья взмахом руки. — Пора браться за работу.

Она поудобнее расположилась в кресле и вытянула пару проводов, подключенных к очень дорогому синтезатору снов — аккуратной черной коробочке, похожей на антикварную книгу в мягкой обложке. Пять лет она билась над созданием фили-снов, чтобы расплатиться за столь дорогое и сложное устройство — исключительно за счет денег, заработанных с его же помощью. Этот факт был предметом ее особой гордости, тем самым она начислила себе еще одно очко в заочном состязании с бывшим женихом, тетушкой-хранительницей и прочими скептиками из ее прошлого. Анайя вставила в синтезатор чистый мастер-картридж и подключила провода к вживленным в кожу на висках металлическим кружочкам. Потом закрыла глаза и сосредоточилась.

Ее дыхание постепенно замедлилось и стало очень ровным. Со стороны она могла показаться спящей в кресле, если бы не напряженность позы, наводящая на мысль о трансе, чарах или экстатических видениях.

Принявшись за работу, она начала создавать сцену, увиденную глазами героини. Анайя тщательно подобрала ее эмоции при виде любимого: преданность, восхищение и страх. В комнату вошел герой — в костюме для верховой езды, высокий, бронзовый мускулистый красавец с ровными белыми зубами. От него исходил неотразимый мужской аромат хорошего одеколона, свежего ветра, кожи и лошадей. Его окружала ошеломляющая сексуальная аура, подобная электрическому заряду, и дополнительно усиленная тем, что он пребывал в ярости.

— Итак, — произнес он звучным сочным басом, — вот как ты оправдала мое доверие!

— Я... тебя не понимаю, — пробормотала героиня, чье сердце трепетало от вины и смущения. В висках ее стучало, а откуда-то из середины тела волнами расходился жар. Пластины тесного корсета затрудняли дыхание.

— Ты ослица, а он осел! — Голос Анайи разбил сцену на осколки, подобно приговору, вынесенному человечеству в судный день. — Сдавайся!

Вы явно созданы друг для друга.

Измученного героя смыл поток вонючей навозной жижи. Анайя вздохнула, выпрямилась и потеряла глаза.

— Зануда паршивый, — пробормотала она. — Сама не знаю, зачем я тебя вообще выдумала. — Она стерла запись и восстановила начало. Дубль второй. Попробуем изменить диалоги.

Преисполненная решимости, она вновь принялась за дело. Звякнул фон.

Анайя раздраженно отозвалась. На экране возник незнакомец с маслянистыми черными волосами и выдающейся вперед челюстью.

— Мисс Рюи? — любезно начал он. — Меня зовут Рудольф Кинси. Не могли бы мы договориться о встрече? У меня к вам важное деловое предложение.

— Важное? — переспросила Анайя и подозрительно добавила:

— А вы, часом, не из страховой компании?

— О нет-нет. — Он отверг ее предположение, как-то по-акульки улыбнувшись. Возможно, подобный эффект возникал из-за того, что улыбались лишь его губы, а глаза оставались холодными. Возможно, причиной тому был подбородок. — Я имел в виду личную встречу. Гм... это деликатный вопрос.

Анайя обдумала его предложение. На поклонника или журналиста он не походил. В его манерах чувствовалось нечто скользкое, как у профессионального шантажиста или сутенера. Быстрая ревизия совести не выявила скандальных грехов; самым сенсационным в жизни Анайи было ее собственное воображение, которое она не только не прятала, но и выставляла на продажу в разбавленной и обузданной форме «ощущалок».

Анайя с некоторым сожалением рассталась с этим довольно романтичным предположением (она не отказалась бы пообщаться с настоящим шантажистом, чтобы разобраться в психологии подобных типов) и пришла к выводу, что Кинси, вероятнее всего, хочет заказать ей частную «ощущалку», причем из некоей пакостной категории.

— Ладно, — согласилась она. — Вы знаете, где я живу?

Он кивнул.

— Тогда приходите... — совесть, посопротивлявшись, сдалась, сегодня в четыре.

— Очень хорошо. — Кинси растаял, точно призрак в магическом зеркале.

В тот день работа шла из рук вон плохо. Персонажи, каждому из которых полагалось обладать собственным "я" и неординарными чувствами, упорно сбивались на штампованные монологи. Раздражение и скука Анайи, вынужденной работать в рамках опостылевшей темы, вырывались всплесками эмоций, что несколько раз вынуждало ее стирать сделанное и начинать сначала. Но едва у нее начинало что-то получаться, с роковой неизбежностью вякал видеофон.

Поэтому к четверем она успела позабыть о назначенной встрече и жужжание дверного звонка восприняла как очередную помеху. Она рывком вышла из мира создаваемого сна и очутилась в реальности, безвозвратно погубив хитроумно задуманную сюжетную цепочку, которую сплетала последние несколько минут. Едва не зарывав, Анайя выключила синтезатор.

Вспомнив, что гость может предложить денежную работу, причем принципиально иную, нежели ее нынешняя голгофа, она сняла с висков провода и укротила эмоции.

— Войдите!

Живьем Рудольф Кинси оказался еще менее привлекателен, чем на экране.

Его рукопожатие напоминало прикосновение улитки. Однако в нынешнем своем состоянии Анайя восприняла его как более предпочтительную альтернативу создаваемому герою.

Усевшись, он сразу перешел к делу, и за это она его мысленно поблагодарила.

Робеющие клиенты с экстравагантными просьбами могли до бесконечности ходить вокруг да около или, что еще хуже, сами толком не знали, чего хотят.

— Как мне говорили, вы иногда делаете сны по частным заказам дополнительно к работе, выполняемой по контракту с компанией «Сладкие сны», — начал он. Анайя кивнула. — Мне также дали понять, что вы сохраняете определенную степень... как бы это сказать?... профессионального благоразумия по отношению к частным заказам. Это так?

Анайя кашлянула.

— Что ж, естественно. Когда меня просят воплотить чьи-то самые сокровенные мысли и желания, оживить их, то любой публичный показ личных чувств, заключенных в готовой работе, стал бы величайшей бестактностью, — ободряюще ответила она, имитируя его стиль. Ей уже стало интересно: окажутся ли просьбы Кинси слишком непристойными, чтобы выразить их вслух, или же слишком глупыми, чтобы в этом признаться. Над вторым вариантом она поработала бы с удовольствием и развлеклась бы от души, но, судя по его внешности, она была готова поспорить, что ее ждет первый вариант. Ну что ж, это тоже будет полезно.

— У меня с собой, — сказал он, доставая, к ее удивлению, стопку листков из дипломата, — сценарий сна, который я хочу заказать. Я желаю, чтобы он был воспроизведен в точности. Прошу вас, прочтите. Если вы сочтете, что сможете выполнить заказ, то у меня будут два требования.

Во-первых, вы обязуетесь никогда и ни при каких обстоятельствах не обсуждать его с кем-либо. Во-вторых, единственный экземпляр работы и право на ее использование становятся моей абсолютной собственностью. За первоклассное воплощение задания и ваше согласие с упомянутыми условиями я готов заплатить двадцать тысяч песодолларов.

Глаза Анайи расширились, но она тщательно подавила всякие эмоции например, желание прыгать и вопить от радости.

— Достойная сумма, — ухитрилась произнести нейтральным тоном Анайя.

— «Этот тип наверняка настоящий извращенец», — подумала она и после секундного внутреннего редактирования выдала второй вариант этой же фразы:

— Задание настолько трудное?

— Увидите, — ответил гость, вручая ей листки.

— Почему на бумаге? — полюбопытствовала она, принимая их.

— Прошу вас не задавать вопросов. — Он игриво похлопал себя по губам и улыбнулся. Анайя решила, что лучше бы он этого не делал.

Она принялась читать, осторожно переворачивая страницы.

— Действительно, весьма подробно. Это поможет. — Краткое молчание.

— Весьма странная структура. Больше напоминает кошмар, нежели сон по заказу. — Еще одна страница. — Определенно, кошмар. — Она прочла дальше. — Вы, правда, хотите все это пережить? — Вспомнив о предложенном гонораре, она откровенно добавила:

— Что ж, о вкусах не спорят. — Если подумать, то и эта фраза прозвучала несколько бестактно, но у Кинси, похоже, возражений не вызвала. — Тут есть несколько технических проблем. Та сцена, где играющие дети превращаются в стаю акул, а спящая проскальзывает в глотку одной из них — с переходом к сцене пыток, которая сменяется пистолетом, чей выстрел разносит голову... Вы хотите сделать переходы между сценами «наездами» или «наплывами»? Каков должен быть уровень боли? Какие запахи?

Она смолкла, уже прокручивая в голове возможные решения.

— Здесь я полагаюсь на ваше э-э... чутье художника.

Она дочитала последнюю страницу.

— Не очень-то хорошее окончание, верно?

— Если оно для вас слишком трудно, то я могу отыскать и другого...

— Нет, нет. Должна признаться, для меня это вызов. Мне почти не приходилось работать в жанре ужасов.

Этот странный и неприятный сон уже всколыхнул ее артистическое воображение. В

любом случае, он не был тривиальным. Муза пахивала серой, но, в конце концов, именно муза, а не деньги повлияла на ее решение.

— Хорошо. Я попробую. Могу я оставить сценарий? — Она пошуршала листками.

— Да, конечно, — отозвался Кинси, вновь улыбаясь. — Надеюсь, не стоит напоминать, что их нельзя копировать или... э-э... потерять.

Когда, по-вашему, заказ может быть готов?

— Что ж, — задумчиво проговорила она, потирая кончик носа, задание сложное, но не очень трудоемкое. Возможно, две недели, если я брошу все остальное ради работы над ним. Быть может, чуть дольше, добавила она для подстраховки. — Мне вам позвонить?

— О, нет. Я к вам зайду. Скажем, в это же время через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

Он встал.

— Согласна.

Кинси церемонно пожал ей руку и ушел. Хозяйка проводила его до двери и, рассеянно вытирая ладонь о домашние брючки, нахмурилась.

Заверещал фон. Анайя вздохнула.

— Если я хочу над тобой поработать, — заявила она сценарию, — то придется выдрать эту проклятую шутовину из стены. — Она шагнула к аппарату, думая о своем друге и иногда любовнике, который имел привычку почти никогда не отвечать на звонки. — А это мысль, — пробормотала она, резко останавливаясь. — Заявлюсь-ка я на пару недель к Чалмису.

Никто и не догадается, что я у него, а если и догадается, то нарвется на его невозмутимый автоответчик. Отличная еда, никаких помех... идеально!

Вдохновленная столь блестящим планом, она встала перед фоном и скомандовала:

— Отвечай!

На экране показался Хельмут Гонзалес. Не успел он раскрыть рот, как Анайя произнесла:

— Это запись. Я уехала. Если хотите оставить сообщение, у вас есть пятнадцать секунд.

Улыбаясь и помаргивая, Анайя простояла еще секунд пять, глядя на экран, где ошарашенный Хельмут пытался связать несколько слов, и отключила его на половине фразы.

Чалмис Дюбаор однажды назвал себя изгнанником во времени.

Более инженер, чем поэт, он говорил точными фразами, без метафор.

Около двадцати пяти субъективных лет он прослужил на древних атомных буксирах, летавших с околосветовой скоростью между Землей и ее единственной — до эпохи, когда были обнаружены «червоточины» — колонией. Это соответствовало почти ста шестидесяти объективным годам, прошедшим на Земле и колонии Бета, и навсегда лишило его синхронизации с историей любой из этих планет. Он трижды проходил интенсивнейшую техническую переподготовку — и всякий раз безнадежно отставал за время полета. Жену и детей он оставил на Бете, когда его призвали младшим офицером для участия в экспедиции по возвращению в Америку — тогда до колонистов дошло устаревшее на двадцать четыре года известие о большой войне. Семью поглотило время еще до его затянувшегося возвращения теперь уже в должности капитана корабля.

Судно принадлежало правительству, которого и в помине не было, когда он впервые покинул Землю. Колония Бета, куда он вернулся, достигла небывалого расцвета. Он повел достаточно приятную жизнь, поселившись у своего единственного дожившего до его возвращения ребенка — дочери, ныне превратившейся в морщинистую, хрупкую и благодушную прабабушку, вззирающую на него с изумлением, как на какого-нибудь лепрекона. А когда отец смотрел на нее, то ощущение, что здесь он не на своем месте, охватывало его с такой силой, что у него начинала кружиться голова.

Позднее, когда Чалмис в последний раз возвращался на Землю, открытие и быстрое развитие новой технологии «червоточин», позволяющей мгновенно переноситься через

бездны пространства, лишили все принесенные им жертвы последних остатков смысла.

Поэтому он ушел в отставку. Построил себе старомодный дом в стиле лучших образцов времен его детства, возвел его на огромном участке в той географической зоне, где родился, и укрылся в нем, как укрывается в раковине краб-отшельник. Журналисты и историки на некоторое время сделали капитана Дюбаора объектом преследования, но он защищал свое уединение с непреклонной последовательностью.

В его-то уединенное убежище Анайя и направилась на следующий день после разговора со странным заказчиком. Возле ворот в силовом экране никого не оказалось. Впрочем, в этом не было ничего необычного, поэтому она спокойно вошла и отправилась на поиски хозяина, которого так и не смогла предупредить о своем приезде. День стоял ясный и жаркий, поэтому женщина принялась обыскивать окрестности дома. Чалмис часто повторял, что годы, проведенные взаперти в металлических коробках, несущихся в пространстве, наградили его клаустрофобией. Анайя подметила, что это состояние проявлялось у него в хорошую погоду и исчезало в пасмурную; его страсть к прогулкам никогда не оказывалась настолько сильна, чтобы терпеть дискомфорт. Минут через пятнадцать систематических поисков Анайя обнаружила его в уголке сада среди цветов изумительной красоты.

Сад Чалмиса тонул в сиянии летнего дня, напоминая коралловый риф, экзотический по форме и расцветке. Жужжание насекомых, пронизывающее мягкую и теплую атмосферу, подчеркивало тишину и делало ее почти осязаемой. Дорожка, выложенная белыми до боли в глазах мраморными плитками, вилась мимо клумб высоких летних цветов в направлении группы старых дубов, что башнями возвышались в дальнем конце участка и создавали островок прохладного полумрака. Чалмис сидел на скамейке в их тени, невозмутимый как ламантин, и наблюдал за гостьей, идущей к нему по белым плиткам. Это был мужчина крепкого сложения, среднего роста и возраста. Поседевшие на висках светлые волосы он зачесывал назад над широким лбом. Округлое лицо казалось бы мягким, если бы не пронизательные до мурашек серые глаза.

В сверкающем красками саду Анайя смотрелась как нечто чужеродное, напоминая ночное существо, внезапно извлеченное из укрытия на яркий дневной свет. Эффект усиливала ничем не смягченная чернота ее одежды: поблескивающий антрацитом комбинезон и кожаные сапожки. Все это вполне соответствовало кондиционированному помещению, которое она покинула сегодня утром.

— Итак, — буркнул Чалмис, не потрудившись встать при ее приближении, — откуда ты взялась и как вошла?

— Из Рио, сегодня утром, — ответила она, нимало не смутившись подобным приемом. — Как я поняла, ты не стер отпечаток моего голоса из аппаратуры ворот после моего последнего визита. И это хорошо, иначе я, наверное, до сих пор стояла бы там, ругалась и ждала, пока твой повар ответит, если услышит. — Она уселась рядом, и он извинился за холодную встречу поцелуем. — Я оставила на твоём автоответчике сообщение, что приезжаю, но, как видно, зря. Прилетела на шаттле в Торонто, а там наняла легкий флаер, чтобы добраться сюда.

— Тебе повезло с погодой, — заметил он.

— Да, полет был приятным. Слушай, я заметила много новых полей на той радиоактивной полосе к северу...

— Кливленд, — сухо прервал он. — Там сейчас выращивают много масличных культур, используя устойчивые к радиации гибриды.

Подсолнечник, который воистину светится.

Он по-крокодильи моргнул и принялся ждать, когда гостья объяснит причину своего появления. Анайя обвела взглядом пышный сад.

— А твоим цветам неплохо живется, — позавидовала она.

Послышалось негромкое жужжание, и на ее ногу опустился кузнечик.

— Ай! — взвизгнула она, стряхивая насекомое.

— Они не кусаются, — улыбнулся Чалмис.

— А выглядят так, точно могут укусить. Зачем ты развел в саду столько живности? Тебе и так приходится постоянно держать силовое поле включенным, чтобы не пробрались москиты.

— Ты рассуждаешь в точности как мой садовник. — Он задумчиво помолчал. — Ностальгия, наверное. Когда я рос в этих краях, кузнечики и лето были неразделимы. Но, должен признать, послевоенные насекомые явление совершенно иное.

Несколько минут никто из них не нарушал тишины. Чалмис заговорил первым, облегчая ей объяснение.

— Как нынче идут «ощущалки»? Ты небось от кредиторов сбежала?

— И да, и нет, — улыбнулась она. — Вообще-то, бизнес идет неплохо.

«Триада» продается хорошо. Перуанская «Лига морали» ее запретила, и это здорово оживило продажу. Мой дистрибьютор в Рио был этим весьма доволен — не удивлюсь, если узнаю, что он сунул кому-то взятку, чтобы ее включили в «черный» список. Теперь он хочет, чтобы я сделала продолжение. Я даже подписала контракт.

— А я думал, что все «ощущалки» — порнография, — сообщил изумленный Чалмис.

— Нет. Некоторые сочинители работают для подростков, — серьезно пояснила она, сразу усевшись на любимого конька. — Но приставки для воспроизведения снов есть лишь у немногих детей, так что этот рынок ограничен. Я сама подумываю сочинить нечто подростковое о колонии Бета — если сумею выкачать из тебя достаточно подробностей для общего фона.

— Любопытная идея. А сможешь ли ты сочинить четко детализированный сон о месте, где никогда не была и вряд ли когда будешь?

Она пожала плечами.

— Будущие зрители тоже там не были, поэтому никто не станет придирается к подробностям. Ты единственный, кто сможет меня раскритиковать, но ты снов не сочиняешь. И даже не смотришь.

— И слава Богу! Я испытываю непреодолимое отвращение к мысли напичкать свои мозги электродами. — Он указал на два серебряных кружка на висках Анайи. — Тут, несомненно, сказывается мое древнее американское воспитание.

— Ты неисправимо старомоден, — ответила она, ничуть не обидевшись.

— Но все же... операция по вживлению импланта для воспроизведения записей намного проще, чем вживление импланта для сочинителя. И совершенно безболезненна. Зато потом ты сможешь покупать мои работы.

— Умоляю, не искушай меня. Я возражаю вовсе не против боли, тут дело принципа.

— Как хочешь. В любом случае, я прилетела в такую даль не для того, чтобы рекламировать аппараты для просмотра «ощущалок». Я задумала одно исследование...

— Для эротического сна? Дорогая, так это здорово! Буду счастлив тебе помочь.

Он церемонно поцеловал ей руку. Она улыбнулась и отняла ее.

— Сумасшедший. Впрочем, мы можем заняться и этим. На самом же деле я хотела спросить, не могу ли остаться здесь на неделю или две, чтобы закончить одну работу? Дома мне буквально не дают покоя.

— Ага. Значит — не кредиторы. Так ты сильно просрочила контракт?

— Есть немного. Если честно... на несколько месяцев. И мой дистрибьютор уже грозитя принять меры. — Она попыталась изобразить невинную жертву.

— И аванс ты, разумеется, потратила...

— Разумеется. — Она уставилась на носки своих сапожек. — Но причина не в этом. Мне сейчас просто не хочется сочинять продолжение того сна или что угодно в том же духе. То была ерунда, пустышка. А я хочу испробовать совершенно новую область. И поработать над новыми идеями.

Она подумала, что условия необычного контракта не позволяют ей излишнюю откровенность. А жаль. Ни с кем она не обсудила бы его столь охотно, как с Чалмисом. Его мнение она ценила наиболее высоко, поскольку на него не влияли мода или мнение друзей.

Эта его особенность компенсировала в глазах Анайи безразличие к современной культуре, порой доводящее ее до бешенства.

— Разумеется, дорогая. Прогуливай, сколько душе угодно. — Чалмис не стал напоминать, что она была здесь незваной гостьей.

— Расположиться можешь в той же комнате, где жила в прошлый раз, если она тебе понравилась; ею с тех пор никто не пользовался. Поговори с Чарлзом насчет постельного белья, еды и всего прочего. А потом я покажу тебе новейшие музейные экспонаты.

Кроме садов и эпикурейской жизни у Чалмиса было еще одно хобби восстановление старинной техники для музеев. В его распоряжении имелась прекрасно оборудованная мастерская, где он, позабыв обо всем, мог часами ковыряться в микроскопической филигрании всевозможных плат и схем.

Некоторые образцы датировались временами его молодости; постепенно он стал таким экспертом, что брался за любую конструкцию. Зато Чалмис совершенно не разбирался в современной бактериальной электронике, где компьютеры выращивались, а не создавались. Его усилия очень высоко ценились несколькими историками науки и оставались совершенно неизвестными для простых смертных.

Анайя понимала в его работе еще меньше, чем он в ее, но у них имелось и нечто общее — страстная ненависть ко всяческому рода помехам. Каждый проявлял такое же уважение к рабочему времени другого, какое желал получать сам, и это взаимное невмешательство сильно их сближало. В последующие дни Анайя, с головой погрузившись в работу, могла пропустить обед или ужин, нисколько не тревожась, что кто-то придет ее искать и тем самым оторвет от дел. Чалмис, в свою очередь, снимал с себя обязательства хлебосольного хозяина. Когда же их орбиты случайно пересекались, эти встречи наполняла взаимная благодарность за предыдущее отсутствие другого.

Такая встреча произошла как-то вечером примерно через неделю после приезда Анайи. Гостя и хозяин блаженно расположились возле дома в уличных креслах — мягких, как кушетки. Они полулежали рядом, глядя в небо. Горизонт на западе полыхал багрянцем и лимоном, чистая зелень по краям плавно переходила в ультрамарин. Над закатившимся солнцем сверкала искорка Венеры, кое-где уже замерцали самые яркие звезды. Деревья и трава вокруг дышали теплым и незабываемым санным ароматом лета Среднего Запада. Анайя подсчитывала похожие на падающие звезды вспышки — в сотне футов над их головами сгорали москиты, натываясь на автоматический силовой барьер.

— ...семь, восемь... Слышишь, Чалмис, а это правда, что они могут высосать из человека всю кровь за пятнадцать минут?

— Сомневаюсь, — лениво отозвался он. — Полагаю, если на тебя нападет целая стая, то можно потерять много крови. Но хотя они и пяти дюймов в длину, в основном это крылья и ноги. Вряд ли москит сможет высосать больше пяти миллилитров заразы. А вот их яд — это настоящая проблема. — Он отпил из высокого бокала глоток лимонада со льдом. Особенно если эти твари из районов с высокой радиацией — такие могут наградить и лучевым ожогом.

— Берегись тех, кто светится в темноте, да? Двенадцать, тринадцать... ух, смотри, какой красавец полетел!

Некоторое время они молчали, потягивая лимонад.

— Как — получается новый сон? — спросил наконец Чалмис. — Сделала столько, сколько надеялась?

Анайя помедлила с ответом.

— Да, актуализация идет очень гладко.

— И тем не менее у тебя нет желания похвастаться успехами. Что тебя тревожит? Но если я лезу не в свое дело...

— Нет, нет... А что, я выгляжу встревоженной? — обеспокоенно спросила она.

— Ты, конечно, не совсем прозрачна, — успокоил Чалмис. — Но для того, кто наблюдает за тобой достаточно пристально... гм... похоже, то, над чем ты работаешь, влияет

на твоё поведение. Либи́до, например.

Ана́йя поморщи́лась.

— Да... Ты прав, конечно. — Она протянула руку и слегка коснулась Чалмиса. — Этот сон скорее... антиафродизиак.

— Для начала сойдет. На какую тему?

Ана́йя заколебалась, борясь с искушением, но через некоторое время поддалась ему.

— В основном, о смерти. Это частный заказ. И довольно зловещий.

Слушай, вообще-то мне не разрешено об этом говорить, но...

— Но? — иронично повторил Чалмис. — Кажется, я знаю, что означает «но». Сейчас ты заставишь меня поклясться хранить молчание, а потом все выложишь.

— Если ты добавишь: «Это так по-женски», я тебе врежу, — пообещала Ана́йя. — Но... Чалмис, это действительно леденящая кровь история, и дело не только в образном ряде сценария. И чем дольше я над ним работаю, тем более зловещим все становится.

Она описала ему визит Рудольфа Кинси, а завершила рассказ тем, что принесла Чалмису сценарий и переносную лампу.

Ана́йя с тревогой наблюдала, как её друг читает страницу за страницей.

Закончив, Чалмис перевернул пачку листков и углубился в сценарий снова.

Она уже внутренне сжалась, ожидая услышать упрёки в том, что согласилась на такой заказ, но первые слова Чалмиса, когда он закончил чтение в третий раз, застали её врасплох:

— Ты заметила, что эта штука задумана в виде бесконечной петли?

— Что? Не могу представить, кому такое может понадобиться...

Разумеется, сюжет идет по кругу — тут я с тобой согласна. Прежде мне казалось, что это нечто вроде художественной аффектации. Может, этот тип начитался романов двадцатого века?

— Это лишь впечатление. Но все же... что ты знаешь о заказчике?

— Только то, что уже сказала. Напоминает жуликоватого адвоката. Но кто я такая, чтобы судить других?

— О, ты бываешь весьма восприимчивой и наблюдательной, когда перестаешь витать в облаках. Впрочем, для тебя это процесс не вполне осознанный.

Ана́йя задумалась: считать ли его слова комплиментом?

— Итак, ты не сможешь с ним связаться, если захочешь, — размышлял вслух Чалмис. — Ни адреса, ни номера фона, а контракт у вас устный кстати, ты уверена, что тебе вообще заплатят?

До сих пор такая жуткая мысль даже не приходила ей в голову.

— Короче, ты даже не знаешь, действительно ли это его настоящее имя.

Твоя проблема в том, дорогая моя, что ты слишком честна. Даже не представляю, откуда у тебя подобное прямотушие. Воспитание тут явно ни при чем.

Ана́йя выпрямилась.

— Что еще за оскорбления?! А ты сам кто такой? Преступный гений, затаившийся в центре паутины интриг?

Чалмис ухмыльнулся.

— А что ты предпочтешь услышать?... Ладно, вернемся к сути. Да, я согласен, заказ очень необычный и зловещий, но то, что тревожит меня больше всего, тебе, похоже, даже в голову не приходило. Но ты была там, а я нет. Не надо отдаваться во власть предположений.

— Чалмис, как по-твоему, стоит мне этим заниматься? — серьезно спросила Ана́йя.

— О, небо, ну и вопросы ты мне задаешь! Это же твоя работа. Мне-то не нужно зарабатывать на жизнь, так какое я имею право давать советы тем, кому это требуется? Но...

— Но? — передразнила его Ана́йя.

— Можно причинить человеку вред, используя фили-сон? Тут у тебя преимущество, ведь я не представляю, что это такое.

— Конечно, есть такие, кто смотрит сны слишком часто, потому что не может оторваться от полюбившихся кассет. Но я не вижу, чем «ощущалки» в этом отношении

отличаются от прочих развлечений. На мой взгляд, даже самые отвратительные фили-сны приносят больше пользы, чем вреда: во сне можно вести себя как угодно, и никто от этого не пострадает.

— За исключением воздействия на душу, которое могут оказать подобные видения.

— А как такое можно измерить? Нет, я все же думаю, что «ощущалки» есть лишь новый способ заниматься все тем же старым и привычным.

— Тогда ты ответила на собственный вопрос.

— Могла бы и догадаться, что ты не станешь на него отвечать. Он вернул ей сценарий и с любопытством спросил:

— А этот твой мистер Кинси не произвел на тебя впечатления человека, для которого все это, — он показал на листки, — любимейшее развлечение?

— Нет, — задумчиво ответила Анайя. — По-моему, для него подобное — слишком большая роскошь. У меня создалось впечатление, что он чей-то агент.

— Я тоже так подумал. Любопытная головоломка. Мне будет интересно узнать, чем эта история закончится. Позвони мне, когда вернешься в Рио.

— Неужели ты подойдешь к фону? — рассмеялась Анайя.

— Только если позвонишь ты, дорогая.

Анайя наконец удалось уговорить себя отбросить сомнения, и за следующую неделю она завершила сочинение сна. Обычно окончание работы приносило ей облегчение, но сейчас она ощущала себя скорее вымотанной, чем удовлетворенной, подобно ныряльщику, глотнувшему воздуха после слишком долгого пребывания под водой. Прекращение боли вовсе не равнозначно удовольствию. И все же она гордилась своим мастерством.

Анайя обладала ясным и образным воображением, полным поэтической силы, и щедро приправила этой силой получившийся сон. Кроме того, ее ждали деньги.

Положив мастер-картридж в нагрудный карман, она попрощалась с Чалмисом, нагло одолжила у него денег на флаер и начала возвращение к цивилизации. Путешествие было омрачено мелкими неприятностями: скверной погодой в Торонто и потерей багажа после приземления шаттла в Рио.

Потребовался целый час упорства и ругани, чтобы служащие наконец-то отыскали ее чемодан в каком-то дальнем углу багажной зоны. Анайя вошла в свою квартиру злая и голодная. Похоже, жизнь затворницы привлекает ее все больше и больше.

Торопливо распаковав вещи и проглотив состряпанный роботом ужин, показавшийся ей особенно гадким после двух недель гостеприимства у Чалмиса, она обнаружила самую серьезную из приключившихся сегодня неприятностей. Ее синтезатор снов, точнее, та его половина, что находилась за пределами ее головы, исчез. Она трижды перевернула квартиру вверх дном и пришла к неутешительному выводу, что забыла его у Чалмиса. Она позвонила ему и, не дождавшись ответа, оставила сообщение с просьбой поискать синтезатор.

На следующий день у нее была назначена встреча с Кинси. День этот тянулся медленно. Хельмут Гонзалес каким-то образом пронюхал, что она вернулась в город, и вновь предпринял попытку заставить ее закончить работу. Как ни странно, теперь она с большей благосклонностью смотрела на костюмированные романтические бредни и не стала лишать его надежд.

Отделавшись от Гонзалеса, она принялась бесцельно бродить по квартирке, перебирать наброски полузабытых проектов и вспоминать заброшенные хобби, пока ровно в четыре не прожужжал дверной звонок.

То был Кинси — скользкий, как и прежде, но старательно подавляющий возбуждение. Это навело Анайю на мысль, что сон он все-таки заказал для себя. Гость уселся на кушетку и поставил на колени большую сумку.

— Я принес свой плеер, — пояснил он, доставая аппарат. — Вы, разумеется, понимаете, что мне хочется... э-э... проверить продукт перед тем, как оплатить заказ.

— Естественно.

Анаия протянула ему картридж. Кинси вставил его в плеер и прикрепил единственный провод к металлическому кружочку за левым ухом. Потом включил плеер и закрыл глаза.

Через несколько минут он выключил аппарат — как ей показалось, довольно торопливо. Выпрямившись, Кинси долго смотрел на нее с неким уважением крокодила.

— Это просто... замечательно, — проговорил он наконец.

Анаия мысленно расцвела, но сохранила невозмутимость.

— Не стесняйтесь, досмотрите сон до конца, — щедро предложила она.

— О, не стоит. Я вполне удовлетворен, — заверил ее Кинси. — И мне действительно пора. Мое время ограничено. Мне осталось лишь забрать сценарий и расплатиться.

Анаия насторожилась.

— Можете перевести деньги, воспользовавшись моим фоном, предложила она.

— Я принес оплаченный чек. Так вас устроит? — с тревогой спросил он. — Пусть это немного старомодно, но совершенно надежно, уверяю вас.

Вам надо лишь прийти в банк и удостоверить свою личность отпечатком голоса. Знаете, в последнее время было столько махинаций с электронными платежами... вот я и решил, что так будет безопаснее.

Кинси достал прямоугольник бумаги, снабженный магнитной полоской.

— А вы любитель бумаги, — заметила Анаия, принимая чек и рассматривая его гораздо внимательнее, чем обычно. Похоже, чек в полном порядке. Он был выписан к погашению в городском банке, оплачен и, вероятно, не мог быть отозван клиентом. А подобная мысль у нее в голове мелькнула, потому что завтра в банке был выходной. Она вернула Кинси несколько измятые листки сценария, и тот изучил их с тем же вниманием, с каким она разглядывала его чек.

— Да, все в порядке. — Он встал, собравшись уходить, но возле двери остановился и посмотрел на нее с некоторой хитрецей. — Могу я попросить вас о небольшой услуге? Не бесплатной, разумеется.

— Спросить всегда можно, — пожала плечами Анаия. — Валяйте.

— Завтра день рождения моей тетушки. А она ваша большая поклонница.

Вот я и подумал, не согласитесь ли вы сделать для нее очень короткую вещь — нечто вроде поздравительной открытки?

Ей очень нравится поэма «Подарок Дорин». И если вы сможете переложить ее на сон, тетушка будет в восторге.

Анаию поразила сама мысль о том, что у Кинси есть тетушка. Он казался ей существом, вылупившимся из яйца, причем кожистого. А «Подарок Дорин»

— очень популярная нынче слащавая поэма. Переведенная в версии для всех видов масс-медиа, она насытила коммерческую культуру задолго до приближения Рождества.

Очевидно, Кинси прочитал сомнение на ее лице, потому что привел более веский аргумент:

— Я вам щедро оплачу затраченное время.

— Что ж, — ответила Анаия, не желая показаться неблагодарной, все еще держа чек, делающий ее свободной на год, — в принципе, это нетрудно. Но я забыла синтезатор в доме друга. И вряд ли успею вернуть его до завтра.

— Ах, вот как... Но вдруг вы все же успеете? И если успеете... давайте я зайду завтра во второй половине дня. К тетушке я пойду вечером. Если сможете выполнить мою просьбу — прекрасно, а если нет, то подыщу ей другой подарок.

Они снова обменялись церемонным рукопожатием. Кинси улыбнулся.

— До свидания, мисс Рюи, — попрощался он, и выскользнул за дверь.

Анаия закрыла дверь и вернулась в комнату, которую обычно считала своим гнездышком, но сегодня воспринимала как клетку. Она задумалась, не сходить ли ей развлечься на пляж — все равно раньше чем послезавтра она не сможет получить деньги и кутнуть, — но решила пойти на компромисс и потратить избыток энергии на давно откладываемую уборку. И по ходу дела наткнулась под кушеткой на синтезатор.

— Ура и аллилуйя! — завопила она, прижимая свою драгоценность к груди. — А я-то решила, что позабыла тебя в дикой глуши.

Прекрасно, прекрасно!

И она со счастливой улыбкой поставила его на привычное место на рабочем столе.

— Вот теперь я смогу по-настоящему развлечься. — Она задумалась, за что взяться в первую очередь — романтический сон для Гонзалеса, «поздравительную открытку» для Кинси или подростковую приключенческую вещь, идеи для которой неприкаянно бродили у нее в голове уже несколько недель. Но пока она размышляла над столь роскошным выбором, ее охватило легкое беспокойство.

— Как ты мог оказаться под кушеткой, черт побери? — спросила она.

— Если бы я тебя уронила, когда распаковывала вещи, то это произошло бы в спальне. Когда дело касалось мелочей, Анайя своей памяти не доверяла. Она частенько забывала, приняла ли утреннюю таблетку витаминов, еще не завинтив колпачок флакончика, и даже по влажности щетины зубной щетки проверяла, почистила ли зубы. В то же время, готовясь к работе над очередным сном, она умудрялась запоминать длиннейшие диалоги героев, поэтому не считала, что у нее проблемы с памятью, и причина таких провалов лишь в сосредоточенности на главном. А синтезатор никак не относился к категории витаминов и зубной щетки.

Вчера ее некоторое время изводила параноидальная мысль о том, что синтезатор украден, но логика настаивала, что она наверняка его забыла.

Синтезатор нельзя было провезти через границу, не предъявив на таможне, и Анайя не могла представить, зачем кому-то было его красть — разве что ради весьма экзотической попытки выкупа. Она потянулась было к проводам, собираясь подключиться, но ее остановила новая мысль.

— Что за дурацкая идея. Ты позволила себе поддаться влиянию Чалмиса, дорогая, — пробормотала она. Его всегда беспокоили провода в ее голове, потому что ему вечно мерещилось архаичное зрелище неожиданного короткого замыкания. Фактически же на контактных разъемах синтезатора попросту не могло появиться опасное напряжение — они сгорели бы первыми. Тем не менее она купила диагностический набор и куда-то его сунула. У нее никогда не возникало проблем с синтезатором, поэтому случай воспользоваться покупкой так и не представился. По сути, этот набор был совершенно не нужен, потому что для любого ремонта синтезатор все равно полагалось отправить изготовителю, и теперь он служил для Анайи наглядным примером ее уступчивости навязчивой торговой рекламе. Для очистки совести она встала и занялась его поисками.

Приборчик оказалось найти почти столь же трудно, как и синтезатор, но в конце концов она откопала его в дальнем углу ящика стола под кучей всякой всячины. Она поставила его рядом с синтезатором и подготовила к работе. Потом вытянула из синтезатора провода, вставила их в разъемы и включила прибор.

Мгновенно послышался громкий треск, сверкнула яркая голубоватая вспышка, и по пластику на секунду пробежало оранжевое пламя. Запахло горелым. Анайя отшатнулась, руки ее затряслись.

Она кое-как встала и глотнула воздуха. Сердце бешено колотилось.

— Боже мой, — выдохнула она, потрясенная до такой степени, словно в нее выстрелил любовник. Потом еще минут десять она уговаривала себя, что страхи ее глупы и что ожидала она вовсе не такого подтверждения. Она долго смотрела на груды дымящихся обломков на столе.

— Мой синтезатор! — всхлипнула она, резко села, протянула к нему руку, отдернула ее и разревелась.

Через некоторое время она перестала всхлипывать, заперла дверь и позвонила в полицию. Завершив разговор, набрала новый номер. К ее удивлению, Чалмис ответил почти сразу.

— Должно быть, у меня сегодня счастливый день, — поприветствовала она его.

— Просто я случайно проходил через кабинет, — пояснил он. — Ты в порядке? — добавил он, увидев выражение ее лица.

— Мой синтезатор только что сгорел. Я до смерти перепугалась.

Чалмис, он никак не мог сгореть!

— Ты была подключена? — с тревогой спросил он.

— Нет. Я его тестировала. Вот, взгляни. — Она развернула экран фона, чтобы Чалмис увидел стол. — Окажись я подключена, так сейчас выглядела бы моя голова.

Анайя, последовав за своим воображением, представила, как вся паутина тончайших проводков, тянущихся от импланта через мозг, мгновенно вспыхивает, и точно в замедленном фильме увидела, как умирает от электрического разряда, взрывающего и сжигающего ее клетки.

— Но почему, Анайя? — спросил потрясенный Чалмис. На его лице, как и на лице Анайи, появилось то странное напряжение, которое обычно описывают словами «выглядел довольно бледно».

— Первое, что пришло мне на ум, — угрюмо предположила она, — так это то, что покойники не могут подтвердить голосом свою личность, получая деньги по чеку. — Она показала ему чек. — Его оставил сегодня мой скользкий заказчик. А отнести эту бумажку в банк я могла лишь послезавтра. И отыскался мой синтезатор сразу после ухода визитера.

Она описала ему вчерашнюю историю с багажом, увенчавшуюся потерей любимого синтезатора.

— Ты думаешь, что он обрек тебя на смерть только ради денег? спросил Чалмис.

— Не знаю. В этом нет смысла. Я выполнила бы его заказ и за гораздо меньшую сумму. Он даже не пытался торговаться. — Анайя вспоминала недавние события, — постепенно успокаиваясь. — И еще эта история с его тетужкой...

— Его тетужкой? — переспросил удивленный Чалмис.

— Готова поспорить, что у него нет никакой тетужки. И даже матери нет, — гневно добавила Анайя.

Чалмис рассеянно почесал верхнюю губу.

— Ты сообщила в полицию?

— Сразу же, как только заперла дверь.

— Думаешь, он попробует снова?

— Возможно. — Последние несколько минут ее воображение с поразительной скоростью выдавало всевозможные варианты убийств, описанные в романах. — Я немного нервничаю, потому что живу одна.

— Понимаю. Только не надо вздрагивать от каждого шороха. Он наверняка думает, что добился успеха или вот-вот добьется. И у него нет необходимости что-либо предпринимать, пока он не поймет, что разоблачен.

Надеюсь, это произойдет, когда его арестуют. Но послушай, почему бы тебе не завершить дела с полицией, а потом прилететь ко мне ближайшим шаттлом? У меня ведь не дом, а настоящая крепость. Я даже могу попросить Чарлза встретить тебя в аэропорту.

Анайя благодарно улыбнулась.

— А я тем временем попробую по своим каналам убедить полицию отнестись к твоему делу с максимальной серьезностью. Позвони мне еще раз, когда будешь готова выехать. Буду ждать.

— Спасибо тебе, Чалмис.

Полиция прибыла довольно быстро. Офицер-детектив и специалист по взрывным устройствам наполнили ее квартирку ощущением реальности, подобно порыву ветра, ворвавшегося через распахнутую дверь в душную комнату. Такая непрерываемость присуща полицейским, врачам и знаменитостям. К заявлению потерпевшей они отнеслись серьезно и с профессиональной любезностью. Детектив, лейтенант Мендес, мужчина средних лет, с привычной компетентностью задал ей ряд вопросов, весьма напоминающих те, что задавал

Чалмис неделю назад. Анайя снова поняла, какую беспечность проявила.

Техник уложил останки синтезатора в пластиковый ящик и унес на экспертизу. Увы, чек у Анайи тоже забрали, поскольку он стал единственной уликой в этом деле. Теперь до женщины окончательно дошло, какую предусмотрительность проявил ее заказчик, не оставив ни единого физического или электронного следа. Но детектив держался вполне оптимистично.

Анайя сообщила ему, что при необходимости с ней можно связаться через Чалмиса, и вскоре была уже на борту шаттла. Полет до Торонто предоставил ей время поразмыслить о том, каким чудом она избежала смерти. И чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что одни лишь деньги не могли стать веским мотивом убийства. У женщины возникло печальное подозрение, что ее сознательно использовали в качестве инструмента в гораздо более отвратительной игре. И к тому времени, когда она добралась до Чалмиса, подробности созданного ею сна, вспомнившиеся с тошнотворной ясностью, подсказали ей совершенно иной мотив преступления.

— Я уверена, что все было затеяно ради сна, — заявила она своему другу. — И считаю, что он будет использован в качестве оружия.

Ранним утром они сидели в роскошной библиотеке Чалмиса. Анайя смертельно устала, но нервное возбуждение не позволило ей заснуть.

Чалмис заботливо потчевал ее успокаивающими словами и изысканными закусками, пытаясь как-то снять напряжение.

— Ведь я это почувствовала, даже ты почувствовал! Но я так увлеклась, восхищаясь своими способностями... я хотела сделать тот сон!

Надо вернуть злополучный картридж, и чем скорее, тем лучше.

— Успокойся, не торопись. Давай начнем сначала. Как сон может стать оружием?

— Сон — своеобразное гипнотическое внушение, только намного сильнее. Моя работа сделана на заказ, настроена на конкретную личность.

Я думаю, что если жертва просмотрит сон несколько ночей кряду, то самоубийство станет неизбежным. План идеальный: убийце даже не придется приближаться к жертве. А потом он уничтожит картридж, и уже никто и никогда ничего не докажет.

— Очень интересная идея. Что о ней думает полиция?

Анайя нахмурилась.

— Кажется, вся эта история не заинтересовала их так, как следовало бы. Детектив ухватился за реальные улики.

— Что ж, им ведь придется доказывать дело в суде, сама понимаешь. А идея — понятие эфемерное. Я всегда полагал, что «ощущалки» есть нечто вроде супервидео. Более совершенная иллюзия, и только.

— Да, большая часть сюжетов именно такова. Но ведь есть и откровения, и чистые абстракции. Они действуют более открыто и непосредственно. Совсем не обязательно маскировать психический символизм в персонажах или сюжетах, он и так на виду. — Встревожившись, Анайя принялась расхаживать. — Но, видишь ли, если меня, сочинителя, одолевает страх или некая другая сильная эмоция, то я могу в определенном смысле упаковать ее в сон и избавиться от нее. Очень терапевтический получается эффект — для меня. Я обретаю власть над проблемой в процессе работы над ней. Но это не всегда срабатывает подобным же образом для человека на другом конце — того, кто смотрит мой сон. Эмоция возникает, пробивается в его сознание, и теперь уже ему надо отыскивать способ избавиться от нее — или не избавиться, такое тоже не исключено.

— Ладно, примем твою теорию в качестве рабочей гипотезы. Кстати, я заметил, что ты говоришь об абстрактном «убийце», а не о Кинси. Почему?

— Я ни в чем не уверена, — покачала головой Анайя. — Никогда не встречала столь скользкого типа, как Кинси. К тому же он не произвел на меня впечатления человека, у которого хватит вдохновения написать такой сценарий. Так что давай назовем его автора Босс.

— Босс? — повторил Чалмис и взглянул на нее с удивленным упреком.

— Ну что поделаешь, я так мыслю. Понимаешь, Чалмис, ведь эта штука была хороша. Сильная вещь, полная внутренней мощи. Она заставила меня выложиться, показать все, на что я способна. Нет, Кинси всего лишь посредник.

— Хорошо. Запишем это в колонку «факты».

— А разве у нас есть какие-то факты? Мне это больше напоминает стрельбу в темноте наугад.

— О, ты знаешь намного больше, чем это может показаться. Если твоя теория верна, то тебе известны такие вещи, которые заставят заказчика пойти на любые хлопоты и риск, чтобы от тебя избавиться. И раз Босс о тебе столь высокого мнения, то кто мы такие, чтобы с ним спорить? Давай начнем с самого сна. Что он тебе говорит о намеченной жертве? Это мужчина или женщина?

— Женщина, — уверенно ответила Анайя. — Ты ничего не знаешь о телесных образах в «ощущалках», но если бы потребовалась действительно хорошая работа, предназначенная для мужчины, им пришлось бы обратиться именно к мужчине.

— Старая или молодая?

— Не очень старая и определенно не ребенок — среднего возраста.

— Замужем?

— Тут я не уверена. Во всяком случае, не девственница.

— Дети?

— Почти наверняка. Это придавало некоторым самым жутким : образам сна больше силы.

— Личность сильная или слабая?

— Слабая, хрупкая... но упрямая. — Анайя начала ухватывать образ.

— Это лишь дедукция, но будь она слабой и податливой, убийца смог бы добиться от нее желаемого, не прибегая к таким изощренным методам.

— Гм-м... Возможно. Итак, жертва — женщина среднего возраста, замужняя, с одним или несколькими детьми и имевшая проблемы с психикой.

Мы также знаем, что у нее есть имплант дримера, следовательно, она не из бедных. Нутром чую, в этой истории замешаны деньги. Во всяком случае, убийца считает деньги сильной мотивацией, если учесть, сколько он тебе предложил за работу и на какой риск пошел, лишь бы ты не получила эти деньги. Еще мы знаем, что между убийцей и жертвой достаточно интимные отношения, поскольку он может прикоснуться к ней спящей — хотя и не исключено, что он просто подкупил нужного человека. И еще: согласно твоей гипотезе, нам стал известен его роковой просчет.

Чалмис увлекся ролью детектива, позабыв о том, что хотел успокоить Анайю и уложить ее спать.

— Какой еще просчет? По-моему, его план безупречен.

— Он не может оставить свидетелей. Не попытайся он тебя убить, ты наверняка стала бы и дальше жить своей жизнью, позабыла о подозрениях и не захотела больше копаться в этой истории. Но признаю, что если бы покушение на тебя удалось, то все кончилось бы иначе. Из-за меня.

— Да, вряд ли он предусмотрел тебя.

— Я в этом совершенно уверен. Если позабыть о твоём несомненном таланте, ты одинокая незамужняя женщина. Тебе некому открыться. Некому излить душу: И никто не станет дотошно расследовать твою таинственную смерть.

— Верно. — Она нервно грызла зеленую пластиковую палочку, на которую недавно был насажен ломтик лосося, свернутый в форме розы. Я не хочу ждать полицию. Если я права — Господи, надеюсь, я ошибаюсь, — то созданный мною сон, быть может, уже сейчас отравляет подсознание той женщины. Ждать некогда. Я хочу немедленно отыскать этого негодяя Кинси, вытащить его из берлоги, где бы он ни находился, и выбить из него правду. Только не знаю, с чего начать или что использовать в качестве приманки.

— Ты сама и есть приманка, — заметил Чалмис.

— Как так?

— Отсутствие сообщений о твоей смерти должно сильно его встревожить.

Он начнет гадать, в чем же причина, почему не сработал его план? И я уверен, что рано или поздно он не сможет удержаться от желания прийти и проверить, в чем дело. Вот тут-то и надо поставить ловушку.

— Как это можно ускорить?

— Пожалуй, к твоему визитеру ведет лишь единственная ниточка — чек.

Полиция уже работает с ним по официальным каналам. Ты же хочешь действовать независимо. Связаться с ним напрямую ты не имеешь возможности. А как насчет общественных каналов связи?

— Это идея. Допустим, я дам во всех персональных каналах службы новостей Рио такое объявление: «Господин Рудольф Кинси, банк отказывается платить по Вашему чеку. Прошу связаться со мной и решить проблему». И укажу твой номер. Если мне удастся хотя бы поговорить с ним, то есть шанс заманить его сюда. Но это такой зыбкий план... А что если он не просматривает каналы личных объявлений?

— Я вспомнил о твоём бывшем друге — том самом, что приехал ' брать у меня интервью, когда мы с тобой впервые встретились, и который сам отвечал на свои вопросы. Ты ничего не сможешь сделать через него?

Анаия поморщилась:

— Пожалуй, смогу раскрутить на статейку в видеожурнале. «Заочное интервью с автором „Триады“, ныне отдыхающей в Огайо». Минут пяти хватит — я появлюсь там радостная и здоровая, скажу, что решила сделать долгий перерыв в работе. И вставлю фразочку о том, что положила синтезатор на полку, или отправила на фабрику, или еще что-нибудь придумаю. Может, оброню намек на частный заказ, который только что закончила и очень от него устала. Надеюсь только, что Хельмут этого не услышит, а то его удар хватит. Но услышит ли Кинси?

Кончик зеленой палочки превратился в плоскую лопаточку.

— Он наверняка станет следить за любыми новостями о тебе. На мой взгляд, шансы очень неплохие.

— Тогда попробуем оба варианта. Да... если план сработает?.. Если он заявится сюда вооруженным? У тебя есть оружие? — спросила Анаия.

— Оружия у меня нет. Но не могу тебя винить в том, что ты не смотришь на жизнь глазами инженера. Вокруг нас много разного оружия, и оно намного лучше пистолетов. И если ты заманишь мерзавца сюда, то остальное предоставь мне.

— Так и решим.

Последующие дни стали для Анаии просто кошмаром. Лишившись привычной работы, ее воображение занялось постройкой городов-башен и хитроумных лабиринтов дальнейших предположений на узком фундаменте имеющих фактов. Из сочувствия Чалмис заказал и оплатил для нее новый синтезатор, но прибор не могли доставить быстрее, чем через неделю, и Чалмису приходилось терпеть приступы хандры своей подруги. Наконец он не выдержал и заявил, что она ведет себя как капризный ребенок накануне Рождества, и это немного образумило Анаию.

Они не теряли связи с полицией в Рио. Улики, которыми располагало следствие, ничего не дали. Как выяснилось, в синтезатор вмонтировали обычный коммерческий электреть, который попросту разрядился, когда прибор включили. Такую подлость мог устроить любой, имеющий элементарные познания в электронике. Не нашлось ни отпечатков пальцев, ни волосков, ни волокон ткани. Чек был оплачен в одном из отделений банка человеком, чья внешность соответствовала описанию Кинси, однако имя он назвал другое. Банкноты, которыми он заплатил, давно растворились в обороте, хотя полиция и предприняла попытки их отследить. Имя и адрес оказались фиктивными, а отпечаток голоса не совпадал с голосами известных полиции преступников. Сейчас этот отпечаток долго и тщательно

сравнивался с голосами из других архивов. В Ла-Плате и Манаосе отыскиались два Рудольфа Кинси: один оказался пекарем на пенсии, а второй молодым студентом, и оба не имели никакого отношения к объекту поисков.

Чалмис тоже кое о чем договорился с ближайшим соседом — местным шерифом. Ситуацию усложняло то, что их предполагаемый посетитель мог и не совершать прежде никаких преступлений в Северной Америке. Арестовав его на месте, они защитили бы Анайю, но вряд ли бы им удалось предъявить ему какие-либо обвинения. И даже в случае ареста в Рио он имел превосходные шансы отвертеться — если не потеряет головы и станет упорно все отрицать.

В среду вечером Анайя услышала звонок у входных ворот. Ее сердце дрогнуло. Она подошла к экрану, нажала кнопку и увидела зубасто улыбающегося Рудольфа Кинси.

— О-о... — протянула Анайя. — Странно видеть вас здесь. — Она тут же дала себе мысленного пинка, надеясь, что больше не сморозит какую-нибудь глупость.

— Добрый вечер, мисс Рюи. Я так рад, что отыскал вас, — произнес Кинси, сохраняя безупречное самообладание. — Не могли бы вы уделить мне немного вашего времени?

— Я... Мне надо спросить капитана Дюбаора. У него весьма своеобразное отношение к посетителям.

— Да, меня предупреждали, — улыбнулся Кинси.

— Если вы по поводу открытки ко дню рождения, то примите мои извинения. У меня сломался синтезатор, пришлось отправить его в ремонт.

Быть может, я смогу вам это чем-то возместить?

Кинси слегка встревожился.

— Ничего страшного, мисс Рюи, и вам вовсе незачем беспокоить хозяина. Если вы подойдете к воротам, я очень быстро завершу свое дело.

«Не сомневаюсь», — подумала Анайя и улыбнулась.

— Подождите, пожалуйста, — попросила она и нажала кнопку «пауза».

— Чалмис! — закричала женщина, припустив во весь дух. Пробежка на полсотню метров привела ее на кухню, где Чалмис испытывал терпение повара. — Он здесь! У ворот. Сам Кинси. Хочет со мной встретиться.

— Да, знаю, — небрежно отозвался Чалмис, обмакивая палец в соус. Он больше часа бродил вдоль периметра силового экрана. Наверное, понял, что пролезть не удастся, решил рискнуть и атаковать с фронта.

Анайя метнула на своего друга яростный взгляд.

— Так ты знал! И даже не предупредил меня!

— Не было времени, — спокойно ответил он.

— Что будем делать?

— Ты можешь пойти к фону и вызвать шерифа Йодера. Попроси его заехать примерно через час. Потом жди в кабинете. Чарлз, отложи обед на час. Думаю, мы управимся.

— О-о-о! — Анайя приплясывала вокруг Чалмиса, как нетерпеливая планетка-спутник вокруг Юпитера. — А ты что собираешься делать?

— Пригласить нашего гостя на прогулку.

— Ладно, будь по-твоему, — хмуро согласилась она. — Но... пожалуйста, осторожней.

— Я всегда осторожен. И не забудь — ты согласилась предоставить эту часть плана мне.

Чалмис вышел из дома, направляясь к воротам. Сгустились сумерки.

«Главные ворота» представляли собой похожую на паутину конструкцию, расположенную в некотором удалении от дома. Интерком был вмонтирован с наружной стороны в один из пилонов ворот. Кинси ждал рядом, прислонившись к пилону и ковыряя землю острым носком ботинка. Он насторожился, заметив Чалмиса, потом слегка расслабился, убедившись, что хозяин пришел один.

— Господин Кинси? — вежливо осведомился Чалмис.

— Э-э... капитан Дюбаор? — спросил Кинси. — Очень сожалею, что побеспокоил

вас, но мне надо обсудить очень срочное дело с вашей гостьей, мисс Рюи.

— Да, она мне передала. — Чалмис набрал код. — Проведите свой флаер через ворота, поставьте его на той полянке, и мы пройдем к мисс Рюи.

Кинси выполнил его инструкции. Было заметно, что он нервничает.

Чалмис запер ворота другой кодовой комбинацией и направился к лесистому участку на своей территории. Вскоре его догнал Кинси.

— Это довольно деликатное и личное дело, — намекнул Кинси. Возможно, она пожелает обсудить его только со мной. — Его тон подразумевал некие близкие отношения с Анайей. Чалмис оценил артистизм фразы.

— Ну, конечно, — сердечно согласился он. — Мисс Рюи в летнем домике, как раз за этим лесом. Там вам ничто не помешает: полное уединение.

— Наше дело потребует некоторого времени. — Кинси мгновенно проглотил приманку.

Они вошли в лес. Здесь было темнее, прохладные влажные лощины и землю под ногами покрывал толстый упругий слой листьев, накопившийся за много лет. Сверху они потрескивали, а ниже размягчались до скользкой черноты, заглушая звуки шагов. Подлесок выбрасывал на тропу щупальца ветвей и кривых узловатых корней.

— Идите впереди, дальше тропа станет узковатой для двоих, предупредил Чалмис. Он остановился и присел стряхнуть какой-то мусор с обуви, потом достал из кармана дистанционный пульт и магнитофон. Пройдя еще несколько шагов, он поудобнее расположился на упавшем дереве и произвел кое-какие манипуляции.

— Пожалуй, мы зашли достаточно далеко, господин Кинси. Мне не хочется, чтобы вы заблудились в лесу.

Чалмис положил пульт и магнитофон на бревно рядом с собой. Кинси резко обернулся, на его лице вспыхнуло подозрение.

— Что это? — Глаза гостя обшарили Чалмиса. Не обнаружив ничего, напоминающего оружие, он бросился к хозяину и с разбега наткнулся на невидимую стену силового экрана. Кинси отпрянул, но не упал. — В чем дело, капитан?

— А ни в чем, — радушно ответил Чалмис. — Я просто подумал вдруг вам захочется со мной поговорить? — И он с намеком постучал пальцем по магнитофону.

— О чем? — спросил Кинси, неуверенно нащупывая хоть какую-то точку опоры в изменившейся ситуации.

— Тему я предоставляю выбрать вам, — сказал Чалмис. — И не сомневаюсь, что через некоторое время вы вспомните что-нибудь интересное.

Наступило долгое молчание.

— Чтобы расшевелить вашу память, могу указать на несколько пикантных особенностей ситуации, в которой вы оказались, — пришел на помощь гостю Чалмис. — Как мне кажется, вы проявили большую осторожность, и никто не знает, где вы. Вы совсем один, без транспортного средства, в незнакомой местности, где наступает ночь. До ближайшего соседа, как минимум, восемь километров — вы уж извините, если я не подскажу, в каком направлении, — и на этом пути вас ждет пересеченная местность: кустарники, болота и так далее. Вы мне кажетесь городским человеком... интересно, когда вы в последний раз путешествовали пешком?

Кинси злобно сверкнул глазами, но промолчал. Один из первых вечерних москитов превратился в беззвучную вспышку, наткнувшись на силовой экран.

— Ах, да, совсем забыл про москитов, — продолжил Чалмис. — Вы, жители цивилизованного юга, и понятия не имеете о ненасытности насекомых здесь, на диком и радиоактивном севере. Хотя неправда, что они могут высосать из человека кровь за пятнадцать минут — на это им нужно гораздо больше времени. Однако гораздо меньше, чем требуется человеку, чтобы прошагать восемь километров.

— Да вы сумасшедший! — заорал Кинси и выхватил из кармана пиджака маленький лучевой пистолет. — Немедленно прекратите! — потребовал он.

— О, друг мой, надеюсь, вы немного разбираетесь в физике, предупредил Чалмис, даже не шелохнувшись.

Выражение на лице Кинси подтвердило, что в физике он разбирается.

Сжав губы, он сунул лучевик в карман.

— Благодарю вас. Магнитный резонанс — очень мощная сила. Там, где вы стоите, получилась бы внушительная воронка. Я мог бы превратить ее в пруд для золотых рыбок. Но вы правильно сделали, что не выбросили оружие. Оно вам может потом потребоваться, если вы все же решите прогуляться. Знаете, тут водятся лесовики.

— Какие еще лесовики? — не сдержался Кинси.

— Ну, это были довольно неуклюжие маленькие и мохнатые животные когда я был мальчиком, еще до войны. Война настолько все изменила.

Москиты, лесовики... — Чалмис смолк, поглядывая на вспыхивающие за листьями вдоль границы силового экрана искры погибающих москитов.

Кинси, обрушив на хозяина поток яростной брани, отошел было в лес, но тут же вернулся.

— Москиты, — назидательно пояснил Чалмис, — отыскивают жертву, улавливая углекислоту, которая содержится в выдыхаемом млекопитающими воздухе. Могу вам посоветовать некоторое время не дышать.

Над головой Кинси послышалось назойливое басовитое жужжание.

Взвизгнув, Кинси отбил крупное насекомое ладонью. Кинси прислонился к экрану, образовавшему вокруг него золотистую ауру.

— Чего вы от меня добиваетесь? — рявкнул он. — Признания? Любое признание, полученное под угрозой, не считается в суде доказательством.

— Верно, если признание выбито полицией, — согласился Чалмис. — Но когда дело касается частных лиц, понятие угрозы несколько расплывается и утрачивает четкость. Рад, что вы догадались: я весьма заинтересован в правосудии. Хочу лишь напомнить, что для исполнения правосудия совершенно не обязательно прибегать к помощи неповоротливой судебной машины.

— Вы говорите об убийстве! — взвизгнул Кинси.

В серых глазах Чалмиса на мгновение вспыхнул огонек гнева, и Кинси, позабыв о москитах, отпрянул от силового экрана, точно впервые осознав, насколько силен хозяин поместья. Затем Чалмис слегка опустил веки, и на его лице вновь появилась маска ироничного шутника.

— Я как раз надеялся, что мы подойдем к этой теме. Что-то я монополизировал разговор...

— Такое вам с рук не сойдет! — выкрикнул Кинси.

— Что? Невежественный горожанин заблудился ночью в лесу, и его настигла предсказуемая судьба. И не просто предсказуемая; такое происходит регулярно. Только в этом году в болотах Толедо утонули двое — лето было влажное.

Послышалось мерзкое басовитое жужжание, и Кинси отвернулся, обороняясь. Пока он загонял двух москитов на силовой экран, третий сзади впился ему в ногу. Кинси заверещал, когда в кровь проник яд, заплесал от боли и оторвал присосавшегося москита.

Чалмис терпеливо ждал.

Кинси в состоянии шока забормотал какую-то историю про Анайю, полную инсинуаций и наглой лжи об их вымышленных сексуальных отношениях.

— Сказки меня утомляют, — оборвал его Чалмис, — к тому же я опаздываю на обед. Пойду-ка лучше в дом.

— Вы блефуете.

— Мистер Кинси, насколько я понял. Вселенная существует для вас, пока существуете вы. Похоже, солипсизм — общая особенность сознания всех преступников. Но вы уж поверьте, для меня это ничто.

Чалмис встал. В кустах запели москиты. Кинси сломался.

— Меня зовут Карлос Диас, — торопливо заговорил он, прижимаясь к экрану. — Я был частным детективом в Рио. В прошлом году потерял лицензию. А потом эта большая шишка из фармацевтической компании «Портобелло» — доктор Бианка, заведующий отделом развития — предложил мне тысячу песодолларов за то, чтобы я сходил к мисс Рюи и заказал ей сон. Но так, чтобы заказ нельзя было проследить. И дал мне свою отмытую «наличку». Ай! Ой! Снимите его с меня!

Кинси завертелся, отчаянно размахивая руками и пытаясь избавиться от маленького кошмара, погрузившего хоботок в его спину.

— Прислонитесь спиной к экрану, — посоветовал Чалмис.

Кинси/Диас последовал совету и продолжил исповедь в еще более быстром темпе.

— Я увидел возможность сорвать куш, — тараторил он, задыхаясь. Вложить деньги в именной чек... закоротить синтезатор мисс Рюи... и побудить ее включить его до того, как она сходит с чеком в банк. Никто не заподозрит связи между чеком и несчастным случаем. Потом выждать три месяца и обменять чек обратно на деньги. У меня есть старый друг в аэропорту... он думал, что я расследую какое-то дело. Я добрался до багажа мисс Рюи, вытащил синтезатор, вставил в него что надо и подбросил ей в квартиру, когда приходил. Это было легко.

— Значит, вас не нанимали убить ее, — заметил внимательно слушавший Чалмис. — Просто к двум великим мыслителям пришли одинаковые идеи.

Диас смолк, очевидно, осознав, что только что утратил возможность оправдать себя.

— Вы доставили сон заказчику? Для чего он ему потребовался? Что вы еще о нем знаете?

— Он мне не сказал, зачем. А диск сейчас у него. Я отдал его в понедельник.

Диас отчаянно пытался вспомнить новые факты, чтобы убажить своего мучителя. Вокруг него все яростней жужжали москиты.

— Прежде я никогда о нем не слышал. Он богатый человек, живет в одном из старинных поместий кофейных плантаторов. Дом с видом на море. Я предположил, что он хочет защитить свою репутацию, и не стал совать нос в его дела. И он не должен был предлагать исполнителю такую крупную сумму, — нашел Диас оправдание и для себя. — Да впустите же меня, ради всего святого!

Чалмис, чье лицо оставалось в тени, вгляделся в Диаса, освещенного слабым сиянием защитного поля, и решил, что тот наконец сказал правду.

Во-первых, для выдуманной его история не была достаточно драматичной. А во-вторых, из-за москитного яда у жертвы слегка поехала крыша, и бедняге стало уже не до изощренного фантазирования.

— Положите лучевик возле экрана и встаньте к тому дереву, приказал Чалмис.

Он кое-что подстроил на пульте, протянул руку сквозь появившееся в экране светящееся окошечко и взял оружие. Потом расширил круг и пригласил Диаса внутрь. Прихрамывая и спотыкаясь, тот поплелся через лес в сторону дома. Чалмис шел следом.

В кабинете их ждала встревоженная Анайя в компании шерифа Йодера и его помощника Шримла.

— Боже мой, — произнесла она, увидев напряженное и уже распухающее лицо Диаса, потом сжала губы и воздержалась от комментариев. Чалмис был привычно вежлив и благожелателен. Преисполненный подозрений Диас хранил упорное молчание.

— Добрый вечер, Билл, — поздоровался Чалмис с соседом. — Это и есть та небольшая проблема, о которой я тебе говорил. Думаю, пока можно оставить в стороне сложности международных законов, — он кивнул Анайе, — и арестовать этого человека за нарушение границ частных владений.

Такое вполне в пределах юрисдикции местных стражей порядка. Ах, да, еще можете проверить этот пистолет. — Он вручил шерифу лучевик. — Как мне кажется, он им владеет незаконно.

Шериф Йодер приступил к формальностям ареста. Диас встрепенулся и попытался обороняться.

— Этот человек сам меня пригласил, — начал он. — Он мне угрожал... пытался убить... и все это записано на диске...

— Ну-ну, господин Диас, — охладил его Чалмис. — Не начинайте того, чего не сможете закончить. Вспомните, что еще есть на этом диске. Я вас и пальцем не тронул. Вы были вооружены смертельно опасным оружием, а я безоружен. Кстати, вы больше часа провели в пределах моей собственности, прежде чем объявили о своем присутствии. Да будет вам известно, что я владею несколькими сотнями акров земли и вокруг огороженного силовым экраном дома.

— Капитана Дюбаора в нашем округе очень уважают, — вставил шериф невинным тоном гида, обращающего внимание туриста на местную достопримечательность. — Это я говорю на тот случай, если вы сомневаетесь, чьим словам здесь охотнее поверят — его или вашим.

— Учитывая альтернативу, вам выгоднее предстать перед судом за мелкое нарушение закона, — добавил Чалмис.

До Диаса внезапно дошло, что его не обвиняют в покушении на убийство — во всяком случае, пока. Его рот резко захлопнулся.

— В окружной тюрьме тоже есть немалый запас сыворотки против яда москитов, — задумчиво произнес Чалмис, когда Диаса выводили. — Думаю, Билл, этот подопечный вам хлопот не доставит.

— Чалмис! — восхищенно проворковала Анайя, когда они остались наедине. — Ты гений! Как тебе это удалось? Узнал что-нибудь про мой сон?

Чалмис устало выдохнул и сел.

— Что за грязная история... Пожалуй, я приму душ перед ужином. — Он повернулся к экрану фона и стал набирать инструкции.

— То, что произошло в лесу, я обсуждать не желаю. А насчет твоего сна — да, я, кажется, знаю, где он сейчас. Как в конце концов выяснилось, Босс не замыслил твоего убийства. То была идея Кинси — то бишь Диаса. Роль посредника он провалил по всем пунктам и ухитрился подвести и заказчика, и исполнителя, попытавшись украсть предназначенные тебе деньги.

На экране Чалмиса появилась эмблема доступа к справочной системе библиотеки Рио-де-Жанейро.

— Посмотрим, что мы сможем узнать сами, не обращаясь к полиции.

— Кто такой доктор Бианка? — спросила Анайя, взглянув на экран.

— Думаю, что он и есть Босс. Посмотрим, подойдут ли другие приметы.

Гм-м. Степени по химии и психологии. Интересная комбинация.

— Он женат, — отметила Анайя.

— Да, давай узнаем что-нибудь о ней. Поищем в социальном регистре.

— Смотри, — показала Анайя. — Она уже была замужем. Один ребенок.

Но ничего не сказано о проблемах с психическим здоровьем.

— Такая информация хранится в медицинских архивах, а нам туда не влезть. Законным способом, во всяком случае. Так, а как насчет денег? Он быстро застучал по клавишам. — Ага! В яблочко!

Как выяснилось, жена доктора Бианки владела шестьюдесятью процентами акций знаменитой компании, в которой работал ее муж. Вскоре выявилась и причина: она была внучкой покойного основателя фирмы.

— Женился на дочке начальника. Вот тебе и мотив убийства, прокомментировала Анайя. — У нее огромное состояние.

— И поэтому он должен был действовать с величайшей осторожностью, чтобы ее смерть не вызвала никаких подозрений. Но зачем ее убивать? На мой взгляд, он и так уже

получил все.

Чалмис уставился на экран, как на магический кристалл, но тот его больше ничем не порадовал.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он после краткого молчания, — что мы хотели обвинить его в убийстве, предполагая, что он заказал покушение на тебя. Теперь мы знаем, что он этого не делал. И наши подозрения могут оказаться совершенно необоснованными.

Анаия обдумала проблему с этой новой точки зрения.

— Мои выводы совпадают с твоими, — признала она, — но...

— Это знаменитое «но», — пробормотал Чалмис.

— Но мне станет намного спокойнее, если я верну заказанный сон, договорила она. — И не желаю выслушивать шуточки насчет женской интуиции.

— Дорогая моя, твою интуицию я приравниваю к силам природы например, к приливам. Я не царь Канут. И несмотря на прочие твои недостатки...

— Огромное спасибо.

— ...ты свое дело знаешь. По крайней мере, насколько я могу судить.

— Полагаешь, мы сможем его выкрасть?

Чалмис обиделся, услышав такое предложение.

— Возьмите себя в руки, Ватсон. В этом нет необходимости. Правы мы или нет в своих предположениях, я не вижу вреда в том, что ты потребуешь вернуть работу. Однако не вижу и оснований для любых обвинений против доктора Бианки. Даже если худшие твои предположения верны, он, по сути, не сделал ничего противозаконного.

— Даже если он использует мой сон против своей жены?

— Такое будет чертовски трудно доказать в суде.. И, насколько я тебя знаю, ты гораздо больше заинтересована в предотвращении преступления, чем в возмездии.

— Разумеется.

— Хорошо. Полагаю, тебе вполне удастся... гм... вакцинировать доброго доктора против искушения, даже не поднимая деликатной темы доказательств. Ты по-своему чрезвычайно тонко ощущаешь чувства людей в тех редких случаях, когда ухитришься обращать на них хоть какое-то внимание. И когда ты туда попадешь...

— Когда я попаду куда? По-твоему, мне надо просто прийти к нему и сказать: «Привет, я не хочу, чтобы вы убивали свою жену. Отдайте диск с моим сном». Чалмис, да у него в подвале наверняка есть бассейны с акулами и аллигаторами как раз для таких, как я.

— У этих зверюг от тебя начнется несварение желудка, — ухмыльнулся Чалмис. — Но вот что я предполагаю. Если учесть образование и должность нашего клиента, это, как мне кажется, его первая попытка насильственного преступления. И если ты сумеешь его убедить, что он разоблачен, и при этом не повергнуть в панику, то готов поспорить, что напугаешь его сильнее, чем он может напугать тебя. Но, учитывая, что перепуганные мужчины способны на идиотские поступки, я организую какой-нибудь предлог, чтобы во время встречи с ним тебя сопровождал полицейский эскорт. В любом случае, это усилит эффект. Только постарайся не схлопотать иск за клевету.

Анаия была далеко не в восторге от предложенной схемы, но вспомнила о своем зловещем сне и сказала:

— Хорошо. Надеюсь, ты прав. Давай начнем. Чем быстрее все кончится, тем лучше.

На следующее утро Анаия вылетела в Рио первым же шаттлом. Лейтенант Мендес, с которым она предварительно договорилась, встретил ее в аэропорту. Его очень обрадовало известие о том, что Диас сидит под замком в Огайо.

На очереди стоял доктор Бианка. Анаие представлялось, что его немедленно арестуют, а кассету со сном конфискуют в качестве доказательства. Мендеса заинтриговала ее теория о предполагаемом использовании этого фили-сна, хотя сам он не имел импланта и вероятность подобного воздействия «ощущалки» мог оценивать, скорее, с помощью воображения, чем интуиции. Как профессионал он имел больше оснований для скепсиса.

— Когда преступление еще не совершено, то доказать преступное намерение весьма трудно, — сказал он. — На мой взгляд, богатый убийца ничуть не лучше бедного, но богатому по карману более опытные юристы. И если только он не осчастливит вас спонтанным признанием, хороший адвокат изрубит ваши обвинения в лапшу, да еще выдвинет встречный иск за оскорбление и клевету. Новые технологии порождают новые преступления это известная проблема. Всем ясно, что противозаконно убить человека, воткнув в него нож. Но, насколько мне известно, нет закона, запрещающего убить его, вонзив в него идею.

— Так как же мне заставить доктора вернуть диск, если он не пожелает? Полагаю, теперь это его собственность, раз я взяла плату за работу.

— Да, это так. — Мендес поразмыслил. — Мне в любом случае придется задать ему вопросы о Диасе, и хотя Диас отвел от него подозрение в убийстве, остается еще любопытная проблема «отмытой» наличности. Так что в целом я охотно помогу вам заставить доктора ощутить себя, скажем... неудобно. Но выходить за эти рамки я не имею права.

— Надеюсь, этого окажется достаточно. Остальное, пожалуй, будет зависеть от моих способностей.

Добраться до доктора Бианки и договориться о встрече оказалось нелегко. Анайе пришлось пробиваться сквозь несколько слоев секретарей и ассистентов, но когда доктор услышал ее имя, то охотно согласился встретиться у него в кабинете дома; О цели визита она даже не намекнула — пусть помучается в догадках.

Дом доктора располагался в прекраснейшем и богатейшем жилом районе города. Старинные дома с чудесными садами, выстроившиеся вдоль улиц, пережили период упадка, но последнее поколение жильцов вложило немало средств в их реставрацию, когда наступила очередная мода на старину.

Анайя решила, что здесь Чалмис чувствовал бы себя как дома.

Дверь Анайе и лейтенанту Мендесу открыл самый настоящий дворецкий. Он повел их наверх по широкой лестнице; навстречу им спускалась женщина лет под сорок, худая и настороженная.

Анайя считала, что умеет со вкусом одеваться, но одежда женщины отличалась такой элегантностью, что у гостей возникло ощущение, будто свой собственный гардероб она подбирала в подвале и на ощупь.

Высокомерно-презрительные глаза хозяйки дома задержались на Анайе и ее облаченном в штатское спутнике — женщина не смогла быстро определить, на какую полочку в ее мире их следует поместить. Когда она повернула голову, увенчанную пышными и блестящими черными волосами, Анайя заметила, как за украшенным драгоценностями левым ухом блеснул серебряный кружок коннектора. Она намеренно поймала глазами скользнувший по ней взгляд хозяйки и ответила ей вежливым кивком и улыбкой, а потом остановилась, надеясь улучшить момент для дальнейшего наблюдения.

— В чем дело, Хуан? — Женщина обратилась к слуге так, точно Анайи и полицейского рядом не было.

— Доктор назначил им встречу, мадам, — пояснил слуга с извинением в голосе.

— Это что, очередная часть его схемы развития? — Она повернулась к Анайе, раздувая ноздри от плохо скрываемой ярости. — Можете передать моему так называемому мужу, что я не поддержу его на совете директоров.

Этот Дакку-то положил предел моему терпению. Во времена моего отца мы не связывались с такими продуктами. И не станем связываться.

— Кажется, у нас вышло некоторое недоразумение... миссис Бианка? Мое дело не имеет никакого отношения к вашей компании, — ответила Анайя, продлевая момент.

— О, — равнодушно бросила она, утратив к ней интерес. — Мило.

Хуан, напомни доктору, что через час нам надо ехать на обед к Гендерсонам. Она

пошла вниз по лестнице, оставляя за собой шлейф дорогих духов.

Анайя задумчиво сжала губы, глядя на ее прямую спину, потом повернулась и направилась следом за дворецким в кабинет доктора.

Когда гостя вошла, Бианка встал и с церемонной любезностью пожал ей руку. Он оказался мужчиной лет сорока с едва тронутыми сединой волосами, загорелым и подтянутым. Явной нервозности он не проявил, но его взгляд быстро скользнул по спутнику Анайи, о котором она предусмотрительно не сообщила, договариваясь о встрече.

— Здравствуйте, мисс Рюи. — Анайе показалось, что он изучает ее лицо с тем же интересом, с каким она изучает его. — Чему обязан удовольствию нашей встречи? — Он явно намеревался хранить спокойствие.

— Я встретила в холле вашу жену, — начала Анайя замаскированную атаку. — Весьма элегантная женщина. И, как я слышала, еще и деловая.

— Это она так думает, — едва заметно улыбнулся Бианка. — На самом деле большинство своих талантов она проявляет в светской жизни. Ей трудно оценить уровень конкуренции на современном рынке. Компания же совокупность сотен работников... Но вы человек творчества, и не стану утомлять вас болтовней о бизнесе. Э-э... — Он кивнул на лейтенанта.

— Позвольте вам представить лейтенанта Мендеса из городского бюро по расследованию убийств. Он со мной. — Она сделала паузу, чтобы до хозяина дошел подтекст сказанного. — У меня возникла небольшая проблема с вашим служащим Карлосом Диасом.

— А-а... Я не назвал бы его нашим служащим, — быстро поправил ее Бианка. — Просто у человека были проблемы с работой, и мне захотелось помочь ему снова встать на ноги. Я не верю в прямую благотворительность, но небольшое поручение, предложенное в нужный момент, зачастую приносит гораздо больше пользы.

— Зато господин Диас, очевидно, по-иному расценил ваше доверие, сухо заметила Анайя. — И попытался извлечь выгоду из моего скромного заказа, совершив покушение на мою жизнь.

— Боже милостивый! — Насколько Анайя могла судить, потрясение доктора оказалось искренним. — Я и понятия об этом не имел! — Он внезапно выпрямился. — Э-э... что это был за заказ?

Анайя поймала его взгляд и с фальшивой улыбочкой пояснила:

— Фили-сон для вашей жены. Кажется, ко дню ее рождения, да?

Бианка с тревогой взглянул на лейтенанта. Тот флегматично ждал, и лицо его оставалось невыразительным, словно пудинг. Анайя почувствовала, что сейчас Бианка начнет все отрицать, и сделала упреждающий ход.

Подавив вздох сожаления, она достала из сумочки чек Диаса и положила его на полированный стол из настоящего дерева.

— Я возвращаю деньги, которые вы мне заплатили. По этому чеку вы сможете получить их в любом отделении банка. И прошу вас вернуть диск с заказанным сном. В процессе работы в него вкралась ошибка.

Женщина затаила дыхание. Если Бианка в присутствии лейтенанта заявит, что понятия не имеет ни о каком заказанном сне, это погубит все ее шансы на успех. Но выведенный из равновесия доктор — он ведь не знал об откровениях Диаса — сделал ошибочный ход.

— Я сам проверил этот сон, — заявил он. — Вероятно, вы слишком взыскательны к своему творчеству. Заверяю вас, заказ выполнен безупречно.

И он подтолкнул к ней чек. «Попался», — подумала Анайя, однако не шелохнулась.

— Как раз наоборот, я допустила принципиальную ошибку. — Гостя выразительно взглянула на Мендеса. Тот, уютно устроившись на стуле, делал вид, будто с большим интересом разглядывает что-то в саду за окном.

Бианка встревожился не на шутку и впервые косвенно признал реальную суть дела:

— Но почему это вас настолько тревожит, если клиент удовлетворен? А я весьма

доволен вашей работой, причем настолько, что могу даже удвоить ваш гонорар.

Анайя улыбнулась и покачала головой, отклоняя взятку. Теперь она не сомневалась, что наступление удалось:

— Если бы я была машиной и производила некий товар подобно машине, то мне было бы все равно. Но я зарабатываю, создавая образы, слова, идеи — то, что существует лишь в воображении. Мою продукцию надо «принимать внутрь», как лекарство. Вот почему меня так заботит, чтобы мой продукт не имел ядовитых примесей — вы наверняка оцените такую аналогию.

Анайя вонзила в него эту словесную шпильку с превеликим удовлетворением.

— А мне о фили-снах говорили совершенно иное, — едко парировал Бианка.

Анайя с чувством вины вспомнила некоторые свои прежние работы, но решила, учитывая величину ставок в этой игре, что капелька лицемерия сейчас будет извинительна.

— У разных композиторов разные стандарты, — пояснила она, глядя в потолок. — И зависят они от величины таланта.

— Знаете, художник, к которому пристанет репутация человека, неспособного выполнить заказ, может лишиться средств к существованию, когда про такое узнают все. — Бианка нахмурился, отчаянно пытаясь придумать угрозу, которую можно без опаски произнести в присутствии полицейского. — А я вряд ли смогу рекомендовать вас своим друзьям. На вас даже можно подать иск за нарушение контракта.

Лейтенант выпрямился на стуле и взглянул на доктора, чуть заметно улыбаясь. Бианка на мгновение метнул в него ненавидящий взгляд.

— Да, процесс может оказаться интересным, — проговорила — Анайя.

— Сон, разумеется, станет фигурировать в суде как доказательство. Его захочет просмотреть судья. Возможно, и эксперты. И изучат его весьма тщательно. А огласка... лично я люблю огласку. Когда твое имя мелькает на публике, его вспоминают, услышав снова — скажем, в другом контексте.

Бианка ответил ей кислым взглядом человека, только что заляпавшего почти заверченный манускрипт. Анайе сразу вспомнились опасения насчет акул и аллигаторов, и она вдвойне порадовалась соседству лейтенанта Мендеса, терпеливо дожидавшегося момента, когда он сможет приступить к своим непосредственным обязанностям.

Медленно и неохотно безупречный убийца расстался с надеждой завершить тщательно замысленный план досрочного овладения покоем, свободой и властью.

— Как вам будет угодно, — сдался он. — Я вам его верну.

И он занялся тактильным замком сейфа, скрытого за картиной на стене кабинета. Анайя послала Мендесу краткий торжествующий взгляд; тот ответил улыбкой и тут же стер ее с лица, когда Бианка достал мастер-картридж и положил на стол рядом с чеком.

Анайя достала из сумочки свой старый плеер.

— Я, естественно, желаю ознакомиться с продуктом, — процитировала она и быстро проверила запись. Это действительно был оригинал. Она положила его в сумочку и встала.

— Доктор Бианка, благодарю вас за то, что вы уделите мне несколько минут своего времени. — Она быстро придумала, как загнать последний гвоздь в крышку гроба его надежд. — Передайте мои наилучшие пожелания вашей жене. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь, когда я с ней познакомилась, если так можно выразиться, и снаружи, и внутри, я стану внимательнее искать ее имя в светских новостях. Это придаст всей истории более личный интерес.

Анайя решила, что если задержится еще немного, то может перестараться — она и так балансировала на грани допустимого.

— А теперь позвольте оставить вас, господа. Не стану более отвлекать вас от реальных дел. Меня же ждет мир моих... неописуемых фантазий.

Когда она выходила, доктор Бианка не поднялся из кресла, чтобы проводить даму.

Анайя облегченно выдохнула, выйдя на мягкий дневной свет зимнего солнца. Ей

казалось, что она побывала в пещере, где время остановилось на целые столетия, или сбежала из дворца злобного царя эльфов. Крепко сжав сумочку с картриджем, она отправилась на поиски ближайшего общественного транспорта, который доставил ее домой, в не столь роскошный район города.

Заброшенная на неделю квартира показалась ей холодной, к тому же в ней установился неприятный запах. Разбросанные вещи напомнили о торопливом отъезде. Она увидела кофейную чашку, в которой над слоем черной слизи на дне уже выросла плесень, и кучу грязной одежды. Обычно Анайя не очень-то жаловала домашнюю работу, но мерзость запустения ее доконала, и следующий час она посвятила энергичной чистке и уборке. Даже самые навороченные и автоматические домашние приборы не станут работать, если их не включать, не программировать и не обслуживать. Финальным актом наведения порядка стало церемонное извлечение из сумочки картриджа и его электронная кремация в утилизаторе. Анайя так и не решила, куда его отправила — в ад или рай для снов, но знала, что призрак этого видения останется с ней надолго.

Ее труды и добродетель оказались вознаграждены. Вскоре после скудного ужина ей доставили новенький синтезатор — Чалмис предусмотрительно переадресовал доставку. Анайя схватила его с нескрываемой жадностью.

Плетельщица снов благоговейно поставила коробочку на рабочий стол и ненадолго отвлеклась, глядя в окно, где переливались городские огни, напоминая драгоценности в витрине ювелира. Потом села и задумалась — за какую работу взяться в первую очередь. Она все же испытала краткую остаточную тревогу, подключая провода к вискам, но сразу же забыла о ней, когда перед ее мысленным взором возник новый яркий мир.

Девочка смотрела сквозь стекло купола на бесконечные поющие пески колонии Бета — то охряные, то цвета ржавчины, но никогда не замирающие, никогда не умолкающие. Она смотрела на них с тоской и желанием, прижав пальцы к прохладной гладкости оберегающей ее тюрьмы, почти не замечая обволакивающего ее негромкого гудения машин, позволяющих ходить в простой одежде и дышать без маски. Воздух в ноздрах был сух и прохладен — его выдыхала машина, а не что-то живое и зеленое. Девочка повернулась к стоящему рядом брату...

Анайя вернулась домой.